

ИСТОКИ

Альманах «Истоки»

Коллектив авторов

Альманах «Истоки». Выпуск 10

«Издательство «Перо»

2018

УДК 882-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Коллектив авторов

Альманах «Истоки». Выпуск 10 / Коллектив авторов —
«Издательство «Перо», 2018 — (Альманах «Истоки»)

ISBN 978-5-00122-290-3

Десятый номер альманаха «Истоки» отмечает 125-летие со дня рождения Марины Цветаевой. Ей посвящен «Венок Цветаевой» – дань восхищения 11 авторов. В номере широко представлена поэзия и проза, особенно малых форм. Многие рассказы посвящены ностальгическим воспоминаниям детства. Стилль тонких и светлых зарисовок Д. Солдатёнковой и А. Сотника сродни импрессионизму. Рассказ А. Серафимова посвящён воле к творчеству, способной преодолеть казалось бы невозможное. Впечатляет мужественная и отточенная проза А. Кебадзе. Блестящее эссе Валерии Шубиной связывает в мистический треугольник с Ахматовой три великих фигуры 20-века. Значительная часть альманаха носит литературоведческий характер и возвращает нам корифеев советского периода, недооценённых в своё время. Евгения Славоросова предлагает ключ к новому прочтению Е. Винокурова. Неподражаемая Лариса Васильева, недавно ушедшая из жизни, оживает под пластическим пером Л. Володарского. Ольга Наровчатова знакомит нас с подлинными письмами своего отца и воссоздаёт его психологический портрет. Незамутнённое восприятие мира сквозит в эссе Натальи Божор. Н. Иодловский представляет творчество членов литературной студии «Среда». Непосредственно и свежо звучат «Стихи о детях и для детей». Замечательная графика и стихи Ирины Егоровой-Нерли композиционно скрепляют альманах.

УДК 882-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00122-290-3

© Коллектив авторов, 2018

© «Издательство «Перо», 2018

Содержание

Память	8
Памяти Ирины Чикиной	8
По страницам альманаха	10
Наталья Божор	10
Узора милого не зачеркнуть!	10
На перекрёстках эпох	12
Ирина Егорова-Нерли	12
Слово о Марине Цветаевой или воскрешение над пропастью	12
Марина Цветаева	14
«Золото моих волос...»	14
Венок Цветаевой	16
Ирина Антонова	16
Камень	16
«Там, где стоял твой дом...»	16
Последние дни	17
Евгения Славороссова	19
Памяти Марины Цветаевой	19
«Высокое цветенье...»	19
«Два камня во тьме горят...»	20
Наталья Божор	22
Посвящение Марине Цветаевой	22
Вера Чижевская	24
Борисоглебский переулок	24
Александр Балтин	25
К 125-летию Марины Цветаевой	25
1	25
2	25
Ольга Наровчатова	26
Памяти Марины Цветаевой	26
Николай Иодловский	28
Марине Цветаевой	28
Анастасия Строгова	29
Её путь	29
Александр Дыбин	31
Обретшей Родину, но потерявшей жизнь	31
Инга Гланцова	33
Марине Цветаевой	33
«Могу ли я, любовь моя, Марина...»	33
«Твои глаза – глубокая вода...»	33
«О, Господи, тебя зовём судьбой...»	34
«Душа упала и разбилась...»	34
Вадим Гиршгорн	35
Такая близкая и понятная мне Марина	35
Проза	38
Александр Серафимов	38

Серафима	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Альманах «Истоки». Выпуск 10

Тексты некоторых авторов даются в авторской редакции.

© РИФ, 2018

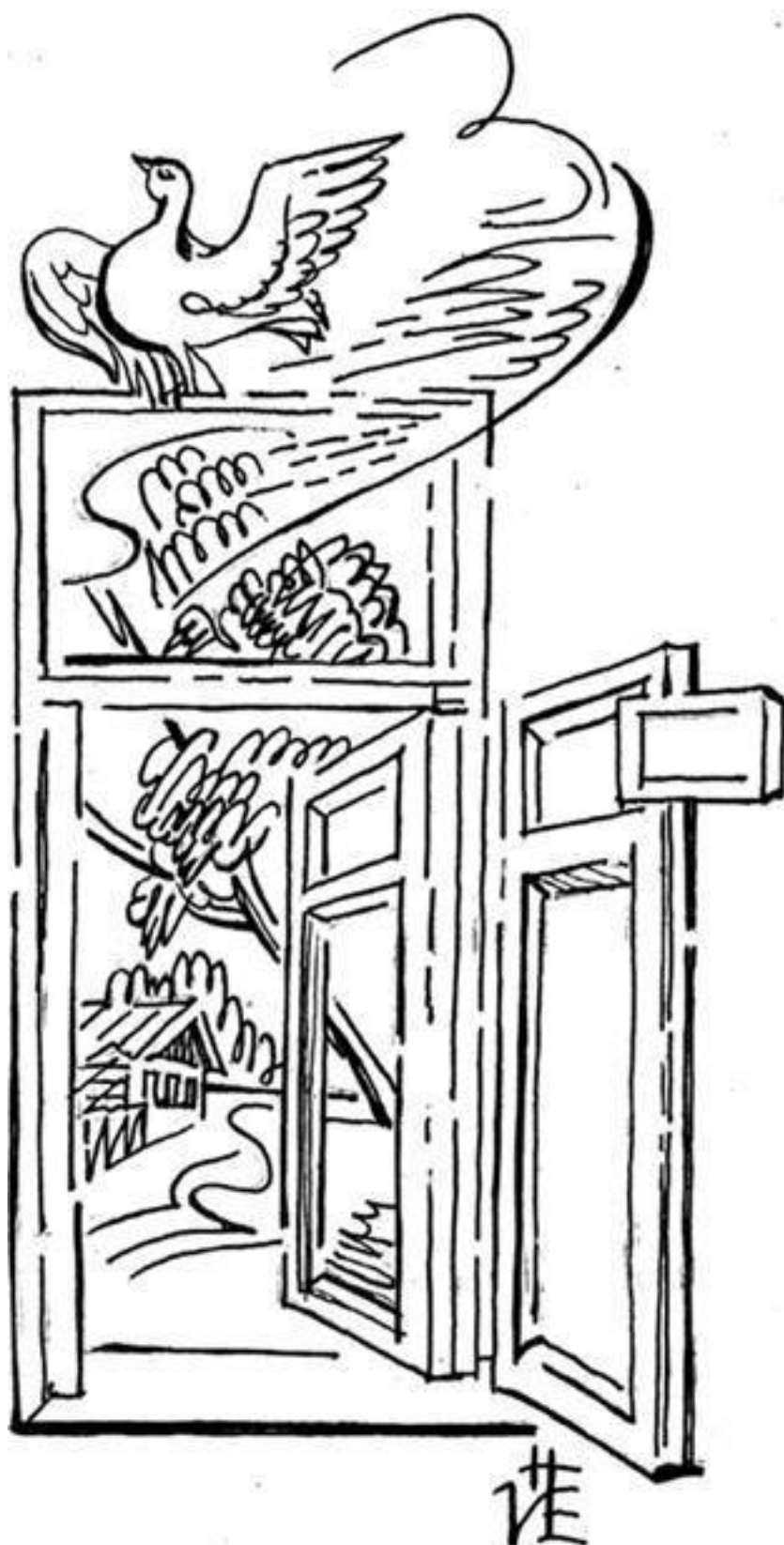
Память

Памяти Ирины Чикиной

(10.0 5.1955 –19.12.2017)

Коллектив альманаха «Истоки» с прискорбием извещает о безвременной кончине Ирины Чикиной и выражает соболезнование родным и близким покойной.

На протяжении многих лет (с 1999–2017 год) Ирина с мужем оформляли альманах. Настоящий профессионал, яркий самобытный человек невероятной энергии и работоспособности, она участвовала в вёрстке и оформлении десятков авторских книг и других изданий. Ирина Чикина была широко известна и востребована в издательском деле. Макеты её изданий несли клеймо мастера. Мы будем помнить этого прекрасного талантливого человека.

По страницам альманаха

Наталья Божор

Узора милого не зачеркнуть!

Эссе

Строчка стихотворения Осипа Мандельштама, которым открывается Альманах «Истоки» (выпуск № 9). Альманах посвящён семидесятилетию Победы в Великой Отечественной войне.

В плане праздника МК–98 в Лужниках проходил Турнир Поэтов. Я познакомилась с Сергеем Телюком (в то время ответственным за выпуск «Истоки»), который предложил мне опубликоваться в Альманахе.

После ухода из жизни Галины Рой, возродившей «Истоки», Альманах возглавил Александр Такмаков (Серафимов), писатель и педагог. Уже в 2008 году Альманах выходит в редакционно-издательской фирме «Истоки-плюс».

В «Истоках» публиковался Кирилл Ковальджи. «Моя мозаика» поэта написана в форме белого стиха.

Стихотворения молодых авторов перемежаются с произведениями Пушкина, Тютчева, Фета, Плещеева!

«Истоки» формировали меня как поэта. Незабываемые впечатления от «Тарусского венка» Ирины Антоновой!

В стихотворении «Сёстры» Евгения Славороссова пишет:

Пить с отравой вино
Нам на той нескончаемой тризне,
Что накрыта была
В недрах тёмного древнего мифа...

напоминая цветаевские слова о *каторжном клейме* поэта.

В «Истоках» я встретила таких замечательных поэтов как Николай Иодловский, Владимир Пустовитовский. *Я дам тебе тысячелетье, а ты мне эту ночь отдашь.*

«Под сенью радужных вершин» И. Егоровой-Нерли продолжается рисунками (графикой) автора. Стихи юной Татьяны Баклашкиной (г. Калуга) – красота и ветер любви.

Поэт Валентин Терещенко написал о своём отце, погибшем в Великую Отечественную:

Я понимаю и во сне —
Что — нет — не может быть такого —
Давно я выучил толково —
Что он остался на войне...

Отражение эпохи – классическая проза и драматургия Александра Серафимова. Наши праздники – встречи, выступления в Доме литераторов.

Сергей Есенин – Божья дудка,
России солнечный поэт!..

На стихотворения Татьяны Хатиной, впервые опубликовавшей в «Истоках», написаны песни.

Возвращаюсь к «Сёстрам» Евгении Славороссовой. Стихотворение обращено к Ирине Антоновой —

В хоре плакальщиц тех,
По навеки во мглу уходящим,
Невозможно прекрасным
И столь безнадежно любимым,
Чисто голос звучит
Между прошлым моим и моим настоящим,
Между вечным огнём
И над ним исчезающим дымом...

2017

На перекрёстках эпох

Ирина Егорова-Нерли

Слово о Марине Цветаевой или воскрешение над пропастью

В юбилейный цветаевский год альманах «Истоки» открывает новую – всероссийского звучания – рубрику «на перекрёстке эпох». Что означает для нас явление поэта Марина Цветаева? Наверное, сказать своё слово о великом поэте возможно только в том случае, если чувствуешь до глубины души всю необъятную мощь её дара, ощущаешь себя, хоть на минуту Мариной Цветаевой, родившейся в день Иоанна Богослова – осенью, золотой осенью России, отмечающей звоном колоколов и зовом песнопений этот церковный праздник.

Что значит быть поэтом? – Быть и остаться на рубеже веков – перекрёстке враждующих эпох?.. Мы видим фотопортреты разных лет её жизни. Личность, не отрежиссированная модой и женским кокетством. Классические черты. Женственный овал лица обрамлён шапкой подстриженных волос. Густая чёлка, чуть перекрывая, подчёркивает прямые, не ищущие компромисса брови. Открытый взгляд светлых миндалевидных глаз. Лицо поэта – лицо России, напоминающее нам о роковой связи ума и красоты, мудрости и печали, вдохновения и уверенности в себе, таланта и непримиримой индивидуальности. Каждый фотопортрет – будто автопортрет Марины Ивановны. Фотографы, сами того не осознавая, повествуют о движении её души. Мы видим Цветаеву целиком – в триединстве одухотворённости, сосредоточенности и строгой простоты. Вопрос поставлен, и она сквозь наступающий век слышит то, что хорошо знает сама – бегущую строку своей линии жизни в истории Родины. Эта власть неукротимого – бурного, как горная река, и гулко, как столетнее эхо, – звука в судьбе России не что иное, как полёт Духа над плотью, Бытия над бытом, гармонии над хаосом.

О, как в мятежный 1993 год изменилась и моя муза – собирательница преданий, фантазий и снов! Внезапно – из поля изобразительного искусства вырвалась её природная сила и, обжигая моё взрослеющее сознание, вдохнула в меня ритмическую энергию слова. Тогда – отголоском далёкого действия в октябрьском ветре мне послышалось:

Ожиданья немой вопрос.
Мне года не беда – отдушина.
Светлый венчик густых волос.
Бузина у окна не задумана.

Так иду я по жизни не врозь
С горькой кистью огня Марины,
Если чувствую осенью гроздь —
От Цветаевой вкус рябины.

Цветом крови рябина зажглась.
Бьёт в набат вдохновения повесть:
Согреваюсь – душа родилась,
Жребий выпал – зовёт словом Совесть.

Это моё первое стихотворение в жизни, и оно посвящено памяти Марины Цветаевой. Невольно мои строчки перекликались с бессмертными строками стихотворения любимого поэта:

Красною кистью рябина зажглась.
Падали листья, я родилась...

Поэт Марина Цветаева – по своему происхождению и природе своего призвания – представитель искусства в жизни искусства. Её путь – самораскрытие в самовыражении. Сама создаёт и толкует о себе и своих современниках, не остерегаясь сопоставлений со своей судьбой и своим поэтическим творчеством. Такая универсальность таланта – творческая жизнь, в которой не умирает мечта и преображается реальность. Рядом соседствуют разум и воля, страсть и мастерство, поэзия и проза, исповедь и проповедь. Литературное наследие поэта – драмы, трагедии, поэмы, стихи... Но воистину неповторим и парадоксален её собственный взгляд на теоретизирование, психологическую эссеистику и осмысление синтеза искусств. Это попытка соединить вместе теорию и практику, философию и филологию, историю и психологию, искусствоведение и литературоведение. Огромная лаборатория творчества. В ней происходит всё и сразу. Жизнь при высокой температуре чувств и позиция поэта в широком смысле этого понятия становятся частью судьбы поколения и, конечно, перекрёстка времён и противоречивых эпох. Любая стоящая «критика: абсолютный слух на будущее», – через десятилетия говорит нам вечная в своём благородстве, в пылкости и жертвенности поэт Марина Цветаева.

Следует отметить, что после открытия Цветаевой на поэтическом олимпе не приходится сомневаться в закономерности авангарда и современности традиций. Перешагнув рубеж XIX и XX веков, она осталась дворянкой в советской пролетарской России – бедствовала, по-крестьянски принимая крест своего назначения и человеческого одиночества, как на Родине, так и за рубежом. Творчество М. И. Цветаевой – это мировая культура, живущая в необъятных просторах России, и объёмный Русский мир, свободно путешествующий по европейской литературе. Поэзия пронизывает всё: поэзия – объединяющая музыка чувств – ведёт все жанры. Цветаева, как никто из своих собратьев по перу, показала и расширила смысловые, звуковые свойства слова – беспредельность поэтического дара, побеждающего концепции и схемы, ремесло стихотворения и принятую логику изложения мысли.

Будучи новатором русского стиха, опережая своё время, Цветаева обосновала «неделимость сути и формы, в творчестве, непредсказуемость этого процесса, так как (по мнению Марины Ивановны) «большим поэтам готовые формулы поэтики не нужны». Таковы: самодостаточность в неожиданности восприятия и масштабность в непрерывности традиций. Так – осуществился смелый эксперимент сквозь призму обезоруживающей искренности и глубокого интуитивного единства всех видов искусств. Её музыкальная волна стала девятым валом в звуковой мистерии Серебряного века. Штормящее поэтическое пространство минувшего столетия то опускало в пучину истории, то возвращало из небытия, поднимая на своё законное место, имена многих поэтов и деятелей искусств... Справедливо и навсегда – Марина Цветаева празднует с нами своё 125-летие. Её живой голос звучит в наших сердцах и призывает к человеческому достоинству и гражданской ответственности: «... Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри – тот потеряет её лишь вместе с жизнью». Это было написано в 1925 году, но, как мы теперь понимаем, неизменно во все времена.

Альманах «Истоки» оформлен серией экслибрисов деятелей культуры, связанных с литературным наследием М. И. Цветаевой и равнодушных к её творчеству, а также циклом рисунков на тему поэтических диалогов поэта.

Ирина Егорова-Нерли

Марина Цветаева

«Золото моих волос...»

Золото моих волос
Тихо переходит в седость.
– Не жалейте! всё сбылось,
Всё в груди слилось и спелось.

Спелость – как вся даль слилась
В стонущей трубе окраины.
Господи! Душа сбылась:
Умысел мой самый тайный.

Между 17 и 23 сентября 1922 года.

Венок Цветаевой

К 125-летию со дня рождения

Ирина Антонова

Камень

*«Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева»
М. Цветаева «Кирилловны»*

Бабьего лета деньки золотые.
Осени нимб осеняет деревья,
Царство «хлыстовок» – луга заливные,
Благословенной Тарусы преддверье...

Светом янтарным холмы залитые —
Ветра остуда, простор и отрада.
Это повсюду шары золотые
В буйстве цветенья не знают преграды!

Мимо хлыстовского кладбища мимо,
Строки ли, сонмы стрекоз золотые?
Ветер качает травы густые.
Денно и ночью бредут пилигримы...

«Там, где стоял твой дом...»

Там, где стоял твой дом,
Куст бузины возрос.
В каждом цветке земном,
Словно немой вопрос.

Жадно зажав в руке
Лютик ли, зверобой —
К светлой спущусь Оке
Прежней твоей тропой.

Знаю в июльский зной,

Там, где трава и тишь,
Бабочкою цветной
На косогор слетишь.

Последние дни

*В писательском доме разборки,
Все карты смешала война. —
«Возьмите меня в судомойки»...
Напрасно пр осила она.*

Скоро всех вас покину,
Высвобождая путь.
Обузой не буду сыну.
Милый, не обессудь...

Мечется, рвётся Слово
В бездне небытия.
Мальчика золотого
Боже, храни, как я.

Евгения Славороссова

Памяти Марины Цветаевой

Действительность нас не щадит,
Истории правда жестока.
А сердце печально твердит:
«Она была так одинока»...

Спит город чужой в полумгле,
А рядом нужда и морока.
На нашей огромной земле
Она была так одинока.

Скопление людское мертво,
Чей вырвется взгляд из потока?
Любить бы, любить... Но кого?
Она была так одинока.

Иных поколений кумир.
О, горе родиться до срока!
Явившись нежданною в мир,
Она была так одинока.

На зимнее небо луна
Возводит незрячее око.
И плачу я, лёжа без сна:
«Она была так одинока.

«Высокое цветенье...»

Высокое цветенье
Цветаевских стихов,
Как будто отпущенье
Всех жизненных грехов,
Как будто посвященье
В сердца высоких сонм,
Как будто возвращенье
В далёкий детский сон.

«Два камня во тьме горят...»

Два камня во тьме горят,
Два цвета во мне не умрут:
То – невской воды агат,
Старинной Москвы изумруд.

Задумчивый тёмный сад
Глядит в изумрудный пруд...
Душою лишь тот богат,
Кто выплакал соли пуд.

Над пастбищем белых стад
Две птицы дозор несут...
Ахматовой тёмный агат,
Цветаевой изумруд.

Наталья Божор

Посвящение Марине Цветаевой

Нам
От Бога
Дано
Эти синие
Степи
Голубые
Рябины
И ветер
В окно
Нам
От Бога
Дано
Это
Слово
Навеки
И Земля
Что волшебною
Стала
Давно
Нам
От Бога
Дано
Это синее
Море
Этот
Ветер
В прибое
И дум
Полотно
Нам
От Бога
Дано
Та
Невстреча
С Тобою
Где закатное
Солнце
И ветра
Вино
Нам
От Бога
Дано

Голубые
Вершины
Голубые
Рябины
И Небо
Одно
Родниковые
Сны
Этот
Плач
По России
Этот
Ветер
Времён
Нам
От Бога
Дано

Вера Чижевская

Борисоглебский переулок Открытие памятника Марине Цветаевой в Москве

*«Над синевою подмосковных роцз накрапывает колокольный
дождь...»*

М. Цветаева

Марина Ивановна! Вы пожелали придти
в свой переулок у церкви Бориса и Глеба?
Как же трагически долго Вы были в пути!
Дождь колокольный с тех пор не спускается с неба.

В тридцать-погибельном страшном советском году
Вас не встречали ни хлебом, ни солью, ни лаской.
Лишь оказались бельмом на глазу – на виду —
Ваши манеры и речь со старинной окраской.

Вот и сейчас Вы сидите, но так, как сидят
женщины века, который серебряным звали.
Скульптор отметил Ваш гордо-таинственный взгляд,
тот, что бывает у дамы, танцующей в зале.

Было и это в далёких туманных годах...
Только недолго пришлось по паркету кружиться.
Стыли у горла стихи, среди дня и впотьмах
требуя права на жизнь, как дитя роженицы.

В бедной Елабуге смерть, карауля слова,
сжала в короткой записке последние строки,
но до конца не пришлось ей достичь торжества:
Вы – рядом с нами, и мы уже – не одиноки.

Александр Балтин

К 125-летию Марины Цветаевой

1

Взрыв – как можно выдержать такой?
В нём совмещены и мысль, и чувства.
Или жизнь, накрывшая волной?
Выдержать и описать – искусство.

Столь велик цветаевский порыв
Запредельного коснуться, что и
Будто нет житейских перспектив,
Вместе – жизнь прожить безмерно стоит:

Ощутить всё, что возможно в ней:
От восторга до исчезновенья.
Кружится великолепный снег
Вечности огромной, как мгновенье.

2

Библейские пророки не были предсказателями, но – обличителями; пророческая мощь Цветаевой совмещала в себе обе ипостаси...

Крысолов, играя звуком, уводит крыс – но не увести ему бесов мещанства и вранья, которые, одолевая отцов, будут одолевать и детей.

Мощь строки обеспечена значительностью говоримого, а правда превращается в искусство в той мере, в какой это игнорируется «глотателями пустот» – о! наше время увеличило их в разы, и пустота, окружающая нас и заполняющая наши умы, отвращает от стихов.

Цветаевская нить вибрирует сталью смысла, и искрит поэтической новизной: букеты неслыханных рифм, необычность развёрнутых метафор.

Всё, кажется, срывается с петель, но – как мощно она держит в силовом поле целостности переусложнённый мир – свой мир – открытый всем со щедростью ливня – с распахнутой для всех казной интеллектуальных и духовных богатств.

Щедрость света.

Щедрость смысла – жизни самой.

Ольга Наровчатова

Памяти Марины Цветаевой

Детей настигла страшная судьба,
Удары получая раз за разом,
Измучилась. Ответила отказом,
Железных лет невольная раба.

Как степь без края, ты была, Марина.
Металась искрой между двух огней,
Судьба твоя, как горькая рябина,
И белый снег, кружащийся над ней.

В стихах была пророческая сила,
А всё ж не разглядела, где беда.
Не сразу подняла тебя Россия,
И поздно пожалела, как всегда.

Николай Иодловский

Марине Цветаевой

Последний взгляд упал и замер,
Журнал плитою пал из рук.
Лицо Марины в чёрной раме
Ко мне пришло чрез сонмы мук.
Свистящий миг её кончины
Коснулся угольным крылом:
Любовь, тоска и грубость сына
Соединились в миге том.

Непостижимо равнодушие
Людей её последних дней.
Сейчас во мне её удушье,
Её бессилие во мне.
Поспешный всплеск захороненья
И тот неведом столько лет.
Марина!
Память – враг забвенью,
Она нетленна, словно свет.

Она струится по просторам,
Как полноводная река.
Пережила все разговоры
Твоя алмазная строка.
Ведутся споры, обожанья,
Все принимают, как свою.
Но не сдержали рук дрожанье,
Не перерезали петлю.

Анастасия Строгова

Её путь

Перезвон в златоглавой столице
Всех её сорока сороков, —
В этот день суждено ей родиться
На изломе бурлящих веков.

Наступал век великих открытий
Революций, неслыханных войн...
На Земле не осталось укрытий,
Где царили бы мир и покой.

Полной чашей хлебнула Россия
От войны, отречения, измен...
Многих – многих по свету носило,
Кто не выдержал тех перемен.

Их, потерянных, осиротевших,
Без надежд, с нищетой пополам
Преждевременно поседевших,
Разбросало по съёмным углам

И она в той толпе оглушённых
Воз тянула на трудном пути,
Мужа-мальчика, деток рождённых
Всё старалась от горя спасти.

Но не вышло. Средь чуждых знакомых,
Без грошей, запасаемых впрок,
Всё короче дорога до дома,
И всё ближе Елабуги рок.

Сыну – Родину! – мечется мать, —
Пусть распробует горечь рябины.
Свои строки России отдать...
Верно всё рассчитала Марина.

Лишь звенят оголённые нервы,
Канонада войны над Землёй...
И последняя капля, наверно, —
Одиночество давит петлёй.

Но живут стихотворенья Цветаевой.
В них сверкнула рифма и растаяла,
Засветилась в строках капелькой дождя,
Чистотой своею душу береда.

Александр Дыбин

Обретшей Родину, но потерявшей жизнь

(М. И. Цветаева)

Твой путь пролег от Сены и до Камы.
Но нет твоей могилы на земле:
Есть крах иллюзий. Проза жизни. Хамы,
Доведшие до гибели в петле!

Ты им своим стихом не угодила:
Воспела «лебединый белый стан»...
Звезда Полынь всегда тебе светила —
Изгнаннице — под небом чуждых стран!

Но те, кто понимают толк в искусстве,
В чьи души был восторг тобою влит,
Навек едины в благодарном чувстве:
Для них ты — первозданная Лилит!

Не встретишь в магазинах твои книги:
За полчаса расхватывают их!
И, сбросив все цензурные вериги,
Живит нам души твой волшебный стих!

Инга Гланцова

Марине Цветаевой

«Могу ли я, любовь моя, Марина...»

Могу ли я, любовь моя, Марина,
Воспеть тебя, как в праздник божество,
Твой шаг был скор, а путь смертельно длинный,
Себе не изменив, ты весь прошла его.

Так горестно горда твоя судьба,
Хоть слёзы тяжкие незримы.
Я смею лишь оплакивать тебя,
Любовь моя, Цветаева Марина.

«Твои глаза – глубокая вода...»

Твои глаза – глубокая вода.
Слова зовут и отторгают,
Возносят и ниспровергают,
Они восторг мой и беда.

Причёски прядь – упрямства прямота,
Как и характера словесность.
И зла, и счастья неизвестность,
И жизни свет, и темнота.

И свадебной иконы странный лик...¹
Предсказанность судьбы суровой?
И народившееся Слово,
Как тот прекрасный сердолик.

Твоих стихов так много, ты – одна.
Тобою выбрана дорога.
Судьба распорядилась строго —
Морская глубина без дна.

¹ Икона «Взыскание погибших»

«О, Господи, тебя зовём судьбой...»

О, Господи, тебя зовём судьбой,
Когда ты есть на этом страшном свете.
Скажи, кто и когда бы смог ответить
За зло, потрясшее собой?

За мужа роковой арест,
За стон о дочери и сыне,
За всё проклятие моей Марине,
Елабуга... и одинокий крест.

«Душа упала и разбилась...»

Душа упала и разбилась,
Как водопад.
И сразу всё переменилось,
Ушло назад,

Как времена в часах песочных,
Всё вниз и вниз.
Куда спешит, не знаю точно,
Вся моя жизнь...

Как без души найти ошибки
Прошедших лет?..
Услышать слово или скрипку,
Как чувства след...

И как собрать души осколки,
Не рая рук?..
А мысли, словно злые волки,
Сужают круг.

В чашобе зла, средь чёрной ночи
Увидеть свет.
И на ступенях Ваших строчек
Искать ответ.

Вадим Гиршгорн

Такая близкая и понятная мне Марина

Говорят, что дети, выросшие в успешных семьях, воспринимают жизнь в ореоле романтики. Не удивлю тебя, читатель, если скажу больше: у ребёнка возникает неодолимая потребность жить интересами родителей, продолжить дело лидера семьи, принести пользу. У Марины Цветаевой, выросшей в семье Ивана Владимировича Цветаева, учёного, создателя лучшего музея России, у дочери, выросшей в любви и уважении к отцу, видевшей его ежедневное деловое общение с людьми, лицезревшей произведения высокого искусства, собираемые отцом, не могло остаться никакого сомнения в том, что она должна принадлежать миру искусства серебряного века. Промысел Божий, учитывая предстоящие войны и революции, отвёл её от трудной в такую эпоху специальности музейного дела, прямого продолжения работы отца, и ввёл в мир поэзии.

Этот главный жизненный выбор, происходящий из семейного уклада, очень понятен мне, потому что и я в детстве и юности (пришедшихся на послевоенные годы) не избежал его. В таких случаях следование отцовской традиции: обретение образования и желанной работы воспринимается молодым поколением как осуществление чего-то заветного.

Да, Марина, наш путь во многом определён родителями и не мыслится ничего другого, потому что дети очень хорошо чувствуют верность, правильность дороги отцов.

Марина Ивановна Цветаева жила в сложное время первой и второй мировых войн, в сложное время революций. Поэзия не могла прокормить Марину, а потом и её детей. О её стихах массовый читатель узнал, как в своё время и о поэзии Лермонтова, после кончины. Кормилась она ремеслом переводчика и устроителя вечеров – жила поэзией. Конечно, ей было сложно, потому что в семьях подобных её семье, молодой человек получает навык творчества, но не учится выживать в обстоятельствах социальных потрясений.

Если начало жизни Марины понятно мне через особенности её семейной жизни с родителями, то её развитие и уход из жизни понятен через восприятие духовного мира человеческих судеб.

Стихосложение у поэтов высокого полёта связано с их близостью к небу. Недавно я прочитал признание поэта Александра Городницкого, что стихи «Когда на сердце тяжесть и холодно в груди...» ему буквально продиктовали сверху. Я не знаю, как творческий процесс протекал у Марины, но, конечно, это было небесным действием.

И всё, казалось бы, в таких случаях с высоким посредничеством хорошо: у поэтов пишутся стихи. Однако не все силы в этом мире рады духовному оздоровлению через поэзию, и у делателей богоугодного зачастую начинаются жизненные сложности. Приходит время тяжёлых испытаний.

У поэтов трудности возникают в пору, когда они ещё молоды, но немалая часть пути пройдена: дети в большинстве случаев рождены, многое уже написано, с чем не стыдно предстать перед Создателем. Есть подспудное ощущение вечности жизни, ощущение того, что она не кончается со смертью. Такое положение было до трагедии Марины, перед самоубийством у Владимира Маяковского, у которого «любовная лодка разбилась о быт», и он начал с револьвером в руке играть в русскую рулетку; так было после трагедии Марины у Геннадия Шпаликова, в шестидесятые годы, у которого, как обнаружили после его ухода, на сберкнижке оставалось всего несколько копеек.

Как же это случилось с Мариной? Союз Советских писателей в сорок первом эвакуировал писателей и их семьи по реке Каме в Чистополь, а кого не смогли разместить в Чистополе,

тех повезли выше по реке в Елабугу. На этой барже вместе с Мариной Цветаевой и её сыном эвакуировалась и моя родная тётя, Лиля Чистякова, с моей маленькой двоюродной сестрой. По словам тёти Лили настроение у эвакуируемых было невесёлое. Единственным светлым пятном для тёти стало письмо из действующей армии от мужа, привезённое писателем Василием Гросманом.

Хотя местные власти при обустройстве приехавших делали всё возможное, денежные запасы были у немногих семей, вещи обменивали на продукты, а, когда всё было распродано, не голодали только те, кто смог устроиться на работу. «Работы не было, – говорила тётя Лили, – мне вот повезло устроиться официанткой в столовой в Чистополе, а Марина, (которую увезли в Елабугу) найти работу не смогла».

Да, конечно, у Марины не было опыта работы в рабочих профессиях. Марина была надломлена тяжёлой судьбой своей семьи: муж в тюрьме, дочь в ссылке на поселении. И главное, над ней висела тень причастности к белой эмиграции. Может поэтому Марине отказали даже в работе посудомойки в писательской столовой в Елабуге.

А изнутри точит унижающее чувство невозможности поддержать своё и сына физическое существование. И судьба, как скряга, трясущийся над мелкими купюрами, начинает скупой отсчитывать дни жизни. Марина принимает решение об уходе.

Что же было между первым актом драмы, когда был избран судьбоносный путь, и последним актом, возвестившем об окончании этого пути? – Было пиршество жизни, запечатлённое Мариной Цветаевой в стихах.

Август 2017 г.

Проза

Александр Серафимов

Серафима

Рассказ, на основе реальных событий

С юных лет Афанасий Ильич Аксаков был уверен, что фамилия любого человека играет определённую роль в его судьбе, является своего рода стержнем по жизни. Недаром говорят – прославленная, знаменитая фамилия и наоборот – не позорь свою фамилию. Доказательством его убеждённости была история его матери, Анфисы Афанасьевны. Однажды он наткнулся на толкование её фамилии, которое гласило, что Аксаковы отличаются гордым, самолюбивым, независимым, болезненно воспринимающим любые, даже самые невинные критические замечания характером. Одновременно в них уживается импульсивность, романтизм, благородство и непримиримое отношение к несправедливости. Зная свою мать, Афанасий Ильич был глубоко уверен, то именно эти черты характера толкнули её в объятия эсеров. Ещё в гимназии она заразилась идеей установления справедливого порядка в России, для чего необходимо было свергнуть царизм и установить народовластие. В революцию 1905 года она возглавила группу, которая грабила военные склады и снабжала оружием боевые отряды в Москве. После разгрома восставших она была схвачена и осуждена военным судом к двадцати годам каторжных работ, которые позднее были заменены пожизненной якутской ссылкой.

Прибыв в Якутск, она стала изучать якутский язык и уже через полтора года свободно общалась с местным населением. Ещё через год она добилась разрешения открыть начальную школу для якутских детей на их языке. Однако её мятежная душа на этом не успокоилась и вскоре она, несмотря на строжайший запрет, создала группу единомышленников, в которую вошли несколько ссыльных и молодые, получившие образование в Хабаровске, якуты. Эта группа в течение нескольких лет вела революционную пропаганду среди местного населения и была разгромлена в 1918 году, многие её члены были расстреляны. В этот год повсеместного террора Анфиса Афанасьевна только чудом избежала судьбы многих её однопартийцев. Благополучно выбралась из цепких лап ВЧКа, чему способствовал один из местных чекистов, якут, который каким-то образом доказал, что Анфиса Афанасьевна была исключительно пассивным членом группы, что всё своё время она отдавала обучению школьников, а потому не может представлять опасность для советской власти.

Через год она вышла за него замуж и через несколько лет, в конце двадцатых годов родила сына, назвав его в честь своего отца Афанасием. С рождением сына Анфиса Афанасьевна успокоилась, всё своё время посвящала семье и воспитанию сына. С годами сын всё более стал походить на мать, но азиатские черты в его лице удивительным образом сочетались с европейскими, что придавало его облику своеобразную харизму, которая очень нравилась женщинам.

Невысокого роста, крепкого телосложения он производил на окружающих впечатление доброго, уверенного в себе человека. В отличие от своей матери он унаследовал мягкий, доброжелательный характер своего отца, и только отдельные вспышки гнева и обидчивость напоминали о наследии по материнской линии. Несмотря на свою громкую фамилию, больших успехов в жизни Афанасий Ильич не добился, уже потому, что он к ним и не стремился. Окончив техникум и получив специальность, он более сорока лет проработал сменным мастером на домостроительном комбинате, за что был награждён медалью «За доблестный труд», получил квартиру и земельный участок в десять соток. Но самым главным для него была семей-

ная жизнь, которая сложилась вполне удачно, и только одно огорчало его несколько лет после женитьбы, отсутствие детей. Наконец, после восьми лет супружества его жена забеременела и на свет появилась дочь Варвара.

Есть устойчивое мнение, что главные черты характера мы получаем не от родителей, а от бабушек и дедушек, что и подтвердило рождение Варвары Афанасьевны. Уже в раннем детстве у неё стали проявляться бабушкины черты характера – неугомонный, самолюбивый характер: если ей делали, как она считала, несправедливое замечание, она отправлялась в угол и, стоя там, тихо плакала, а потом долго молчала, делая вид, что не слышит. Уже в пятом классе она решила, что непременно будет актрисой, будет выступать на больших сценах в знаменитых театрах. Для того, чтобы осуществить свою мечту, она стала заниматься в школьном драмкружке, где показала себя девочкой не без способностей, играла главные роли в нескольких детских спектаклях, в старшем классе была приглашена в местный народный театр, что окончательно вскружило голову Варваре и она решила, сразу по окончании школы поступать в Щукинское театральное училище. Для вступительных экзаменов она приготовила стихи Марины Цветаевой, отрывки из произведений Шукшина и танцевальный номер. Но по какой-то причине именно оценки за танцы повлияли на решение комиссии, уже в самом начале она дважды чуть не упала, но продолжала выделять разные па, как бы говоря этим, что неудачное начало ничего не значит, а она прирождённая актриса. Окончив танцевать, она устремила на членов жюри робкий молящий взгляд, с ужасом ожидая их решения. К её глубочайшему огорчению она не прошла по конкурсу, и это был первый сильнейший удар по её самолюбию. Однако эта неудача не остановила её, и она ещё трижды, меняя училища, ездила в Москву, но все попытки поступить не увенчались успехом. Про себя она решила, что её просто зажимают, была уверена в том, что по конкурсу проходят исключительно блатные, а таких, как она, провинциалок, просто выбрасывают за борт. Эти провалы до глубины души оскорбили её самолюбие, и она впала в глубочайшую депрессию, стала замкнутой, чуралась компаний и, как ей казалось, потеряла смысл жизни. Так продолжалось около года пока её не нашел местный драматург и предложил главную роль в его пьесе, посвященной разгрому якутских эсеров. Прочитав пьесу, она немедленно согласилась. Особенно Варю поразила роль её бабушки Анфисы Афанасьевны, которую ей предстояло сыграть. Для того, чтобы вжиться в образ, Варя изучила материалы местного краеведческого музея, посвященные революционной деятельности её бабушки, прочитала доступную литературу об эсеровском движении, нашла и побеседовала с людьми, которые многое знали о тех событиях из рассказов своих родственников. Всё это сделало её жизнь осмысленной, а тут ещё встреча с весёлым молодым человеком окончательно вылечила от депрессии. Однажды в декабре в сорокаградусный мороз, возвращаясь с очередной репетиции, она поскользнулась, подвернула ногу и, если бы не помощь невесты откуда появившегося паренька, неизвестно, что случилось бы с ней.

– Николай Гавриков, старатель – поднимая её с заснеженной мостовой, представился он.

– Варвара или просто Варя, – обнимая своего спасителя за шею, сказала она.

– Знаю, я смотрел несколько спектаклей с вашим участием и был поражён вашим талантом, вы так тонко играете, прям, как в московских театрах, восхищён, – широко улыбаясь заявил Николай.

– И кто же ты по жизни? – как бы не замечая комплимента, спросила Варя.

– Старатель золотоискатель – усмехнулся Николай.

– И много же ты, старатель золотоискатель нашел драгоценного металла? – спросила Варя.

– На жизнь хватает, а не хватит, снова по весне уйду на прииск. – Ну, если ты такой сильный, неси меня домой.

– С удовольствием, давно мечтал об этом и с этих пор буду каждый раз встречать вас и доносить до дома, – поднимая её на руки, рассмеялся Николай.

– А не надорвёшься?

– Не надорвусь, приходилось и большие тяжести носить.

– Согласна, буду ждать, смотри не обмани, – улыбнулась Варя. Через полгода Варя и Николай зарегистрировали свой брак, при этом невеста категорически отказалась брать плебейскую, по её выражению, фамилию мужа. Любила ли Варя мужа, одно можно сказать с уверенностью, ей импонировал его мягкий, покладистый характер, что было немаловажно для её импульсивной натуры. Но главной причиной её замужества было желание выйти из-под родительской опеки и строить свою жизнь по своему усмотрению.

Николай Гавриков, по прозвищу Гаврик, после окончания Тульского строительного техникума неожиданно для своих родителей завербовался в Якутию, на один из Бадайбинских приисков и стал мыть золото вместе с другими старателями на карьерных отвалах. В начале третьего сезона он нашёл небольшой самородок и, как говорится, зажил его. В результате ему набили морду и выгнали из артели. Так он оказался в Якутске, где устроился по специальности в строительное управление. Накануне женитьбы Николай на ранее заработанные деньги купил дом, куда и привёл свою молодую жену. Оглядев новое жилище, Варя пришла в ужас, топить печь, бороться со снежными заносами ей казалось невозможным и даже диким, но делать было нечего, пришлось смириться и обживать новый дом, а ещё через год она родила дочь.

В ночь перед рождением внучки бабушке Алевтине приснился странный сон – она увидела себя в окружении каких-то незнакомых, стоящих вдоль дороги людей в странных одеждах, а Святая мученица Серафима, озарённая яркими лучами Солнца, легко ступая босыми ногами по грязной мостовой, осеняла их крестом. То, что это была именно Святая дева Серафима, бабушка Алевтина ни на минуту не сомневалась уже потому, что рядом стоящий мужчина внезапно упал на колени и, протягивая руки к идущей деве, крикнул: «Благослови, святая дева Серафима, на жертвенный подвиг во имя Иисуса Христа». Святая подошла к мужчине и, возложив крест на его голову, сказала: «Благословляю тебя, веруй в Иисуса даже тогда, когда тебе будет мучительно больно, а враги наши будут соблазнять тебя прекрасной земной жизнью». Затем она повернулась к бабушке: «А ты, Алевтина, свою внучку назови в мою честь, её ждёт трудная со многими разочарованиями судьба, но она всё преодолит и найдёт своё счастье на избранном пути».

Утром её разбудил телефонный звонок, и голос зятя радостно сообщил о рождении внучки.

– Прими мой поздравления, Коля, и не вздумай заранее давать имя своей дочери, всё решим на семейном совете. Понял, зятёк? – заявила бабушка.

– Понял, как не понять, решим на семейном совете, так даже будет лучше, – согласился Николай.

Через несколько дней на семейном совете обсуждали, какое имя дать новорождённой. Дед Афанасий настаивал на Алевтине, в честь бабушки, отец на Валерии, и тут бабушка рассказала свой сон, и все согласились назвать девочку Серафимой, то есть пламенной.

– Вот увидите, наша девочка, когда вырастет, покажет себя, её ждёт слава, как Серафиму Бирман, – тоном, не допускающим возражений, заявила бабушка.

– Мама, а кто эта самая Бирман? – удивленно спросил новоявленный отец.

– Ты, Коля, чем-нибудь, кроме себя, интересовался? Знаю, ничем, так вот Серафима Бирман – народная артистка, режиссёр, лауреат Сталинской премии, понятно?

– Теперь понятно, пусть будет пламенной Серафимой, – согласился Николай и, помолчав, спросил. – а, как попроще?

– Попроще, Сима, Симочка, а можно и Фима, кому как больше нравится, – ответила бабушка.

Всё шло хорошо, но тут в стране началась перестройка, которая, как известно, закончилась экономическим крахом и развалом огромной страны. Якутск вместе со всеми попал под

жернова новых экономических реалий. Почти все промышленные и строительные предприятия стали банкротиться и выбрасывать на улицу тысячи работников. Деду Афанасию повезло, он за несколько месяцев до коллапса экономики, вышел на пенсию, перед этим получив земельный участок и медаль «За трудовую доблесть». Николаю Гаврикову повезло меньше, его строительное управление закрылось одним из первых, а профессиональные строители начали искать места на рынках, становиться шабашниками или от безделья просто спиваться.

Естественно в этих условиях каждый выживал, как мог. Одни выращивали кур, забивали их и несли на рынок, другие носились по заграницам, скупали недорогие ходовые вещи и перепродавали их более удачливым соплеменникам и, наконец, были такие кто, надеялся на государство, которому в это время не было до них никакого дела. Это были полные олухи, всё ещё верящие в идеалы социальной справедливости. К этой категории относились родители Серафимы, надеющиеся на чудо, а, когда оно всё не наступало, пришлось по примеру соседей заняться челночным промыслом. На семейном совете решили – мать Серафимы, Варвара Афанасьевна вместе с удачливой соседкой будет ездить в Китай за товаром, продать перекупщикам, а отец Николай, займётся выращиванием кур. Николай долго открещивался, пытался создать кооператив по производству кирпичей, но из-за отсутствия денег и связей все его попытки терпели крах.

Две первые поездки в Китай для Варвары Афанасьевны прошли удачно, а в третий раз всё пошло кувырком. Не успел их автобус проехать и тридцати километров от границы, как их остановили вооруженные люди и ограбили, забрав весь товар и деньги. Натерпевшись страха, Варвара Афанасьевна категорически отказалась от своих поездок, а тут ещё с наступлением холодов все куры, которые находились в неотапливаемом сарае, в одну ночь околели.

Как говорится, голод не тётка, пришлось просить помощи у деда и бабушки, которые жили на соседней улице в большом пятиэтажном доме. Дед Афанасий теперь занимался выращиванием картошки и овощей, а, чтобы с поля ничего не пропало, соорудил шалаш и жил в нем вплоть до той поры, пока не убрал последний кочан капусты. В это же самое время бабушка по заказу от богатеньких знакомых целыми днями до позднего вечера вязала свитера, носки и шарфы, что позволяло иногда покупать на рынке мясные продукты.

Первые годы жизни Серафимы пришлось, как раз на эти, полные драматизма, годы. Вечерами, глядя на дочь, Варвара Афанасьевна решила, что именно она будет якорем спасения её неугомонной натуры, именно она завоюет новый враждебный мир и выведет её из этого чахлого ничтожного существования.

Её надежда на кардинальные изменения жизни, связанные с дочерью, подтвердились, когда она обнаружила у неё музыкальные способности. Уже в два года Серафима запоминала и, безошибочно повторяя интонации певца, напевала недавно услышанные по радио песенные мелодии.

Одно обстоятельство сильно беспокоило Варвару Афанасьевну: из-за постоянных переживаний у неё пропало грудное молоко. В результате трёхмесячную дочь перевели на искусственное кормление, отчего она часто болела, медленно набирала вес и рост. Дело дошло до полного истощения организма Серафимы, и только вмешательство бабушки спасло её от смерти. Страх потерять дочь довёл Варвару Афанасьевну до нервного припадка, который закончился психбольницей. Усилиями бабушки Серафима не только выжила, но стала сильным и резвым ребёнком, постоянно занятым подвижными играми. Но иногда она вдруг садилась на стульчик и начинала напевать совершенно незнакомые для бабушки мелодии. В такие моменты та подходила к внучке и спрашивала: «Скажи мне, Симочка, о чем ты поёшь?»

– Не знаю, пою и всё, – отвечала Серафима.

Всё круто изменилось, когда однажды воскресным днём к ним в гости приехал школьный друг мужа Михаил со своей семьёй – женой Верой и десятилетним сыном Валериком. Как всегда в таких случаях, несмотря на любой кризис, организуется застолье, и вот после

изрядно выпитой самогонки друг отца подозвал к себе сына и попросил его что-нибудь сыграть на скрипке. Мальчик красный от волнения, стесняясь незнакомых людей, с трудом сыграл «Венский вальс» Моцарта и несколько пьес Шуберта. Что случилось дальше, никто не смог объяснить, началось нечто невообразимое – малютка Сима отбросила в сторону свои игрушки, вскочила и с криком «Отдай!», вырвав из рук Валерика скрипку, вихрем промчалась мимо оторопевших родителей и, выскочив на улицу, бросилась бежать. Валерик нашёл Серафиму в сарае за поленницей дров – она судорожно прижимала скрипку к своему маленькому тельцу и тихонько всхлипывала. Увидев Валерика, она ещё крепче прижала инструмент к груди и, перестав всхлипывать, глядя в глаза мальчику, твердым голосом сказала: «Не отдам».

– И не надо, я тебе её дарю и хочу показать, как на ней играть, – улыбнулся Валерик.

– Правда? Ты мне её подарил? – охнула Серафима и залилась радостным смехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.